

Родилась я в Красноярске, а точное место моего рождения все вы видели. Точно говорю — видели! Ну, если хотите посмотреть ещё раз, возьмите в руки десятирублёвую бумажку. Видите на ней мост через Енисей? Справа от моста на том берегу высотное здание — бывшая гостиница «Турист». А слева — нагромождение крыш. Вот там, среди этих крыш, на берегу Енисея находится больничный городок с роддомом в центре. Правда, когда я родилась там, это были деревянные двухэтажные корпуса. Сейчас их перестроили, но место-то осталось то же самое.

Так я и жила в Красноярске до девяти лет. А потом мы переехали строить Красноярскую ГЭС. Отец меня и младшего братишку часто возил на стройку. Грандиозность строительства поражала! Росли мы, росла и ГЭС, и мы себя чувствовали сопричастными строительству этого великолепия. Вот переверните десяточку на другую сторону: правда ведь, красавица получилась?

А жили мы тогда не в самом Дивногорске, а в посёлке Молодёжном, раскинувшемся четырьмя террасами на горе, выше деревни Овсянки, растянувшейся вдоль енисейского берега.

В третий класс я ходила в старую деревянную школу-восьмилетку, стоящую в Овсянке на самом берегу Енисея. А к четвёртому классу построили новую, кирпичную, уже в Молодёжном. Но называлась она по-прежнему: Овсянская средняя школа. В одном классе со мной учились и овсянские, и молодёжновские ребята. Ещё за дорогой, выше Овсянки, стоял посёлок Комсомольский, совершенно не видный с трассы. А в пятом классе к нам присоединились ещё и слизневские. Там была только начальная школа. Так в классе образовались четыре клана. Самыми презираемыми были овсянские. Это мы, молодёжновские, — строители Красноярской ГЭС! А овсянские — «деревня», дальше своих огородов интересы не распространяются. И дразнилка у них была интересная: «овсянские гробовозы». Наша учительница, чтобы мы прекратили обзываться, рассказала нам старинную легенду. Что ещё в стародавние времена золотоискатели, чтобы их не ограбили по дороге, придумали перевозить золото в гробах, под видом покойников. Овсянские прознали про это и утащили гроб

у остановившихся на ночлег проезжающих. Но в гробу оказался настоящий покойник — умерший в дороге атаман. С тех пор овсянских и прозвали «гробовозами».

Но мы и после этих познаний дразниться не перестали. А сами приравнивали себя к элите: ведь мы не местные, коренные, с их «картошками-моркошками», а такие, как, например, всеми нами любимая учительница географии Ирина Анатольевна. Ведь она с отличием окончила Московский университет и за это получила распределение не в какую-нибудь тьмутаракань, а на строительство Красноярской ГЭС, то есть в Овсянскую школу.

А это невероятное событие произошло в нашей школе осенью 1964 года. В нашем пятом «А» классе по расписанию — урок ботаники. Заходит «ботаничка» и вместо урока говорит: — К нам приехал Виктор Петрович Астафьев — известный писатель. Он родом из Овсянки. Гостит здесь сейчас у своих родственников.

Мы были потрясены: писатель — из овсянских, из «гробовозов»? Да не может такого быть!

А учительница развернула тоненькую книжицу автора В. П. Астафьева «Дядя Кузя — куриный начальник» и вместо ботаники прочитала нам её вслух, чтобы мы имели хоть какое-то представление о творчестве этого писателя. Пятому «Б» повезло ещё больше, им «Дядю Кузю» читали вместо математики. По-видимому, эта была единственная книжка, которую нашли в библиотеке, а вся школа должна была познакомиться с творчеством великого земляка.

А после уроков наша «классная» подозвала меня и ещё одну Наталью — Павшукову и отправила нас приглашать Астафьева в школу на встречу с учениками. Наташка была местная, овсянская, и хорошо знала, где живёт тётка Виктора Петровича, у которой он остановился. А мне дали записку с текстом. Я его выучила наизусть и сейчас помню: «Уважаемый Виктор Петрович, приглашаем вас на встречу в вашу родную школу...» Слово «родная» мне в тексте не понравилось: какая же она родная, когда она — новостройка и Астафьев в ней никогда не учился? Всю дорогу мы с Наташкой спорили, говорить или не говорить это слово. Наталья меня убедила, что говорить надо. Ведь Виктор Петрович учился в Овсянской школе, но теперь

той старой школы нет. Овсянской называется эта, новая, значит, теперь она — родная.

Мы подошли к дому. Дом как дом, как и большинство в Овсянке: крепкий, ухоженный, с цветами в палисаднике. Ну и, конечно, с красивыми окнами. Любят овсянские покичиться перед соседями окошками: тут и резные наличники, и занавесочки, и цветы на подоконниках. Это ещё мой отец изрекал народную мудрость: «Изба — как баба: губы крашенные — значит, красивая».

Нас встретила пожилая хозяйка в цветастом платочке на голове, в фартуке, проводила в дальнюю комнату. Стены небольшой комнаты украшены вышивками, фотографиями. Вся многочисленная родня смотрит на нас и с больших ретушированных портретов, и с маленьких фотографий, приткнутых за рамки тех же портретов. Большое зеркало тоже утыкано по краям поздравительными открытками.

Виктор Петрович сидел за столом, застланным белой скатёркой, но, встречая нас, встал. Мы с Наташкой дружно поздоровались, и я оттарабанила заученный текст. Виктор Петрович улыбнулся, стал расспрашивать нас про новую школу.

Но в это время на входе взяли занавески, и в комнату вихрем влетела женщина помоложе хозяйки, но так же по-деревенски повязана платочком. Она бросилась к Виктору Петровичу: — Братец, дорогой! Наконец-то ты приехал. Мы так тебя ждали.

И они стали обниматься и целоваться. Мы с Наташкой стояли, разинув рты. Виктор Петрович, не выпуская женщину из объятий, обернулся к нам:

— Девочки, я приду, обязательно приду.

И тут до нас дошло, что это уже и неприлично — стоять вот так и глазеть на встречу родных людей.

На обратном пути меня разбирали сомнения: а вдруг Виктор Петрович не запомнил, когда прийти, куда? Может, мне надо ещё раз зайти, напомнить?

Но Виктор Петрович пришёл ровно в назначенное время. Вся школа собралась в спортзале. У нас все праздники проходили в спортзале, там и сцена была. К этой встрече на ней установили заборчик, сбитый мальчишками на трудах, перед ним — лавочку. Заборчик утыкали настоящими подсолнухами, благо осень стояла тёплая и они не успели замёрзнуть. На этой сцене старшеклассники показали какую-то сценку «из Астафьева».

Виктора Петровича усадили за малюсенький журнальный столик, рядом с учительницей литературы. Мне показалось, что ему очень неуютно за этим хлипким столиком, на виду у всей школы, ещё и как-то боком к сцене. Мы все тоже сидели боком к сцене на лавках, собранных со всех классов.

Но особенно неуютно чувствовал себя парнишка-старшеклассник. Он стоял рядом со столиком, как к доске вызванный. Зажав в руке тетрадку

с текстом, он старательно рассказывал биографию Виктора Петровича. А мы все за него переживали: это же так страшно — рассказывать писателю о нём же самом. А вдруг ошибёшься, что-нибудь не так скажешь? И действительно, Виктор Петрович несколько раз останавливал оратора и поправлял его, буквально одно-два слова, но это полностью меняло смысл сказанного.

Парнишка, как видно, был хорошим учеником и умел красиво декламировать. Рассказывая о фронтовых годах Астафьева, он ушёл в высокий пафос. Виктор Петрович и тут его остановил и практически повторил, почти не изменяя, ту же самую фразу, но повторил совсем по-другому, очень просто и даже с грустью в голосе. Но всем вдруг стало ясно, что война — это не героическая эпопея, а тяжёлая солдатская работа. Мы понимали, что Астафьеву, так же как и нам, жаль этого волнующегося парня, но жизненная правда — дороже.

Потом учительница велела всем задавать вопросы писателю. Но все заданные вопросы вертелись как-то всё вокруг одного произведения «Дядя Кузя — куриный начальник».

— Так вы, наверное, кроме «Дяди Кузи», ничего и не читали? — быстренько «вычислил» нас Виктор Петрович и стал рассказывать сам, что у него есть довольно много написанных и уже изданных книг и ещё больше он собирается написать.

Рассказывал и о войне, и о своём детстве, и о своих овсянских родственниках, какие они добрые и замечательные люди. Вот тебе и «гробовозы»!

Рассказывал Виктор Петрович захватывающе интересно. И спортзал, с его болтающимися над головой баскетбольными сетками и канатами, со сваленными в углу матами, с растопырившим копыта дерматиновым «козлом», становился вдруг милым и по-домашнему уютным.

Вечер заканчивался, и я, набравшись храбрости, подошла к Виктору Петровичу и выпалила ему вторую, уже самостоятельно заученную фразу:

— Уважаемый Виктор Петрович, я приглашаю вас посмотреть на говорящую ворону.

— Да, да! — подхватили стоящие рядом учителя. — У этой девочки действительно есть говорящая ворона.

И мы пошли с присоединившимися к нам несколькими учителями к нашей сараюшке, где у нас жила самая обыкновенная ворона, случайно научившаяся говорить человеческие слова. Тут уже я волновалась: а вдруг наша Галя-Галя, так мы звали нашу ворону, не захочет говорить? Но Галя-Галя не подвела, она прокричала и своё имя, и «папка», и «кто там?», и многие другие слова своего репертуара.

Виктор Петрович посмеялся, поблагодарил и с тем ушёл. А я с тех пор ждала, когда же он напишет о нашей замечательной вороне. Но ни в одной из прочитанных после этого книг я не нашла даже

упоминания о ней. Про каких-то кур написал, а про нашу говорящую ворону — нет.

Потом я поняла: я ведь не рассказала Виктору Петровичу, какая она у нас умная, какая талантливая и про тот счастливый случай, как она у нас появилась. Ведь это отец подарил мне эту ворону на мой день рождения, на пятилетие, выменяв её ещё желторотым птенчиком у мальчишек на пару породистых голубей. Она даже сама клевать не умела. А как мама учила меня и младшего братишку заботиться о ней, объясняя нам, что ворона — живая душа, а не игрушка! А как наша умница Галя-Галя самостоятельно усвоила человеческий язык, без всякой дрессировки! И как потом удивляла разговорами наших соседей, знакомых и даже пыталась вступить с ними в беседу! Ворона к тому времени жила у нас уже седьмой год, за это время с ней случилось столько забавных приключений. Да разве всё расскажешь за одну короткую встречу? Пришлось мне про Галю-Галю написать самой.

Но та детская встреча с Виктором Петровичем, знаменитым земляком, оказалась не единственной в моей жизни. Случилось так, что наши с ним пути-дорожки не то чтобы пересеклись, а так, чуть-чуть соприкоснулись.

В то лето я окончила школу, в институт поступала. И надо сказать, что была у нас дача в Усть-Мане, мы сами её построили не в самом посёлке, а за рекой, где была всего одна улица, она так и называлась — Заманская. Никаких «картошек-моркошек» у нас на даче не росло. Отец увлекался цветоводством, одних гладиолусов было более двухсот сортов, а ещё кусты роз, пионы, тюльпаны, гиацинты и многое другое с такими названиями, что и не выговоришь сразу. Всё это цело, благоухало.

Мы подружились со многими соседями, но особенно ко мне благоволила учительница Антонина Иннокентьевна Вычужанина. Её семья жила в небольшом домике на самом берегу Маны, над обрывом. А вспомнила я сейчас Антонину Иннокентьевну потому, что с Астафьевым они учились когда-то в одном классе Овсянской школы. А потом ещё и роднёй стали. Её родной брат женился на двоюродной сестре Виктора Петровича.

Вот подходит как-то Антонина Иннокентьевна к нашей даче и говорит:

— Наташенька, Виктор Петрович приехал, собирается на могилку к матери сходить. Цветочков бы!

Я ей тут же нарезала самых красивых цветов. Хороший получился букет, достойный.

А через несколько дней соседка снова обратилась ко мне за помощью:

— Наташа, помоги мне прибраться. Виктор Петрович приедет к нам погостить. Хочет он сбежать от своей овсянской родни.

— Разве его плохо там принимают?

— Что ты, наоборот, очень хорошо! Каждая семья считает за честь принять такого гостя, устраивает праздник, соседей созывает. А гулять овсянские, как положено, три дня, не меньше. Погуляли у одних — милости просим к другим. А родни у Виктора Петровича в Овсянке много. Устал он уже от этого, хочет побыть в тишине, поработать. Я ему уже и комнатку побелила, занавески перестирала. Но это всё старое, уже не модное. Ты молодая, вот и подскажи, как бы всё сделать посовременней.

Я стала перебирать сложенные стопочкой на столе вышивки, кружевные белые занавесочки ришелье. Всё сделано талантливо, с любовью, хранило тепло рук мастериц.

— Антонина Иннокентьевна, давайте это всё и развесим. Виктору Петровичу это должно понравиться.

И мы с ней перегладили всю эту рукотворную красоту, развесили по местам. На пол раскатали постиранные на речке домотканые дорожки. Упорога постелили такой же сплетённый из старых тряпочек кружок.

А с самим Виктором Петровичем я тогда встретила всего два раза, и оба раза на Манском мосту. Он шёл не один, а с каким-то высоким парнем. Я не сразу узнала его в тёмных очках. Только вспомнила: да у него же глаза болят после фронтowego ранения! От простого смертного знаменитого писателя отличал разве что чёрный кожаный пиджак.

Я вежливо поздоровалась, он коротко ответил: — Здравствуйте.

Вот, собственно, и всё.

Но с тех пор книги Астафьева я читала с особенным трепетом. Особенно «Последний поклон». Ведь все описанные им места были мне знакомы, я ходила по тем же лесным тропинкам, на тех же полянках собирала землянику. На месте бывшей дедушкиной заимки переходила Ману по запани. Отец меня и брата водил на скалу выше Слизневского спуска, откуда открывается великолепный вид на Енисей и вся Овсянка как на ладони. А как возмущался отец, когда там развернули строительство смотровой площадки: «Нельзя портить природную красоту!»

Первый отзыв о книгах Астафьева я услышала от родственницы, приехавшей нас навестить из Красноярска:

— А ваш овсянский Астафьев далеко пойдёт, сильно пишет.

Но мой отец вспылал, заспорил:

— Мало ли чего на войне было? Зачем всю грязь наружу выворачивать? Нет, так писать нельзя!

Отец сам фронтовик, но о своей армейской службе рассказывал неохотно, больше отшучивался и вспоминал разве что забавные случаи из фронтовой жизни. Я думаю, плакат «Не болтай!» крепко сидел в его мозгу. Он хорошо помнил

те времена, когда за лишнее слово можно было крепко поплатиться.

Потом для меня настали студенческие времена, и теперь я понимаю, что главное моё образование происходило не на лекциях и семинарах, а тогда, когда мы с подружками-студентками ходили на концерты и спектакли, смотрели фильмы и выставки. А потом, постигая истину, спорили до полуночи и о фильмах, и о прочитанных книгах.

Особенно нас потряс спектакль Красноярского тюза «Кража» по книге Астафьева. Чтобы докопаться до сути, пришлось всем ещё на раз перечитать книгу, сравнить со спектаклем.

Вспоминается ещё один случай, связанный с творчеством В. П. Астафьева. Я возвращалась из командировки в Красноярск. Из всех поездок старалась привезти сыну подарки — книжки или игрушки. На этот раз мне посчастливилось приобрести прекрасно изданную книжицу «Васюткино озеро». До Канска на поезде — больше четырёх часов. Я достала эту книжку с великолепными картинками. А соседями в общем вагоне оказалась бригада шабашников. Я не очень поняла даже, какой они национальности, таких, помнится, скопом называли «чуреками». Им тоже скучно было молча ехать длинную дорогу. Они стали спрашивать, что за книжку я читаю, интересная ли. А потом попросили:

— Почитайте нам вслух.

Я стала читать и когда дошла до места, где небольшой мальчик Васютка уже который день блуждает по лесу, заметила, как эти бывалые мужики вытирают кулаками слёзы с небритых щёк. — Он погибнет в лесу, этот мальчик?

— Да что вы! Это же наш сибирский мальчик, он знает, как выжить в тайге.

Я вспомнила, как в детстве отец меня и братишку учил в лесу разжигать костёр с одной спички, в любое время года искать в тайге съедобное, находить нужную дорогу.

Сейчас в Молодёжном или Овсянке (по сути — это один посёлок) у меня из родных никто не живёт. И сама я там давно не живу, так уж жизнь сложилась.

Когда умер мой отец, на старом овсянском кладбище уже никого не хоронили. Зажатое между скалой и проложенной железной дорогой, это кладбище уже не могло никого принять. Отца похоронили на новом, ещё совсем небольшом

кладбище, обустроенном на красивой поляне, на горе, сразу за Молодёжным. В старые времена это была, скорей всего, пашня кого-то из овсянских. В самой Овсянке земли мало, только на небольшие огороды. Вскоре после отца на том же кладбище похоронили и мою тётушку, отцову сестру. Мне не к кому стало приезжать в Молодёжный.

А на кладбище у отца и тётушки я бываю редко, к своему стыду.

В один из приездов убралась на могилке отца, потом пошла наводить порядок у тёти. Пока шла, столько знакомых имён на табличках прочитала! А я-то их числила среди живых. Крашу тётушкину оградку и наблюдаю, как к какой-то могиле рядом, буквально через дорогу, постоянно подходят люди. Мне из-за берёз была видна только чугунная узорчатая ограда. Я решила полюбопытствовать, подхожу и вижу: среди берёз и молодых сосенок стоят два чёрных памятника. На одном снизу изображены стопка книг и росчерк подписи, на другом — только одно имя: «Ирина».

— Да это же Астафьев, — ахнула я.

А рядом — его так рано ушедшая из жизни дочь. Так вот к кому идут люди, к кому несут цветы, стоят в молчании или тихонько что-то объясняют своим детям.

Возвращаюсь обратно к тётушке закончить уборку. И в это время к кладбищенским воротам подъезжает чёрный джип, сверкая оскалом металлического намордника и оглашая округу дикой музыкой. Из джипа вывалилась компания весёлых ребят в шортиках, в шлёпанцах на босу ногу, в руках по бутылке пива.

— Вам-то сюда зачем?

Оказалось, тоже к Астафьеву. Под пьяный гогот, в обнимочку, прихлёбывая пиво, пофоткались «на фоне Астафьева». И, довольные собой, подались восвояси. Вот такой культпоход.

Хотелось спросить: «Да читали ли вы Астафьева?»

Ведь тот, кто читал Астафьева, проникся его словом, перестрадал его страданиями, почувствовал вкус его горькой правды, тот пойдёт по жизненным ориентирам, как по «затесям», и вряд ли свернёт на «кривую дорожку».

А я с тех пор, когда навещаю похороненных на овсянском кладбище родных: отца, тётю, — то обязательно прихожу и к Астафьеву Виктору Петровичу.